

А.М. СУНГУРСКИЙ

ЦЕНА ПЕРЕПРАВЫ

16+

А.М. Сунгурский

Цена переправы

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Цена переправы / А. Сунгурский — «Автор», 2026

За проход через Каменскую переправу берут один год жизни. Так написано в квитанции. Но человек, пришедший в мастерскую Тарена Веля, постарел на десятилетия за один переход. Бывший мерщик находит в его путевом жетоне второй след: часть платы ушла туда, куда уходить не должна. И этот случай — не единственный. Тарен три года не возвращался на службу. Теперь ему предстоит искать доказательства среди старых знакомых, пробираться по опасным обходным дорогам и защищать людей, которых удобнее объявить больными, чем выслушать. Каждая новая улика приближает его и к разгадке, и к собственным давним ошибкам. До закрытия переправы остаются считанные дни. Чтобы вывести пострадавших, Тарену придётся снова взяться за расчёт. Только теперь в нём будут жизни людей, которые ему доверились.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Квитанция на один год	5
Глава 2. Чужая подпись	14
Глава 3. Те, кто не дошёл	20
Глава 4. Последний обоз	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

А.М. Сунгурский

Цена переправы

Глава 1. Квитанция на один год

Человек у двери назвал Тарена по имени и попросил помочь снять сапоги.

Он держался за косяк обеими руками. С полей его шляпы капало на порог, а одна нога стояла боком, словно он забыл, как на неё наступают. За плечом старика виднелась девушка с дорожным мешком.

Тарен отложил напильник.

— Сапожник через два дома. С красной вывеской.

— Я знаю, где сапожник. Ты меня посади сперва.

Голос оказался знакомым. Низкий, с давним присвистом на «с». Тарен поднялся, обошёл верстак и только вблизи разглядел белый рубец под левым ухом.

Бран Рут получил его, когда лопнувший обруч ударил по лицу. После этого случая он три недели носил вокруг головы клетчатую повязку и сердился, если кто-нибудь спрашивал про зубы.

Тарен помнил повязку. Помнил, как Бран одной рукой поднимал бочку, чтобы подсунуть под неё клин.

Человек у двери не мог поднять ногу через порог.

— Бран?

— Ну наконец-то.

Он попытался усмехнуться. Под нижней губой задрожала кожа.

Тарен подставил плечо. Они добрались до единственного стула, заставленного гирями; девушка успела сбросить их на пол и придержать спинку. Бран сел тяжело, со стоном. Шляпу он продолжал держать в руке.

— Отец, отдай.

Она взяла шляпу и повесила рядом с дверью. Затем поставила мешок, выпрямилась и оглядела мастерскую, будто искала, куда здесь ещё можно положить человека.

— Воды? — спросил Тарен.

— Сапоги, — сказал Бран. — Сначала сапоги.

Тарен опустился на корточки. Над правой щиколоткой голенище туго обтягивало опухшую ногу. Он расстегнул боковые пряжки и потянул за пятку.

Бран схватил его за плечо.

— Стой.

Тарен отпустил. Под пальцами проступила кровь: край сапога натёр ногу, пока старик шёл по посадку.

— Придётся распороть.

— Они новые.

— Отец.

Девушка произнесла это тихо. Бран закрыл глаза.

Сапожный нож у Тарена был; им он срезал кожаные прокладки для чаш весов. Он провёл лезвием по шву, стараясь не смотреть на руку у себя на плече. На пальцах выступали крупные узлы. Обручальное кольцо врезалось в кожу.

В последний раз они виделись три года назад, незадолго до того, как Тарен ушёл с переправы. Бран привёз новые чаны для дождевой воды. Тогда ему было сорок три.

— Вот, — сказал Тарен, снимая разрезанный сапог. — Теперь второй.

Девушка присела рядом, подложила под босую ногу свёрнутый платок. Она двигалась быстро и бережно, придерживая отцовскую пятку так, словно давно знала, где будет больно.

— Ива? — спросил Тарен.

— Да.

Он помнил её нескладным подростком, который приезжал с отцом за расчётом и оставался у конторы ждать. Теперь ей было за двадцать. На рукаве серого платья темнело зелёное пятно; пахло от неё мокрой шерстью и аптечными травами.

Сняв второй сапог, Тарен принёс кружку. Бран отпил и обеими руками поставил её на край верстака.

Несколько мгновений никто не говорил. За стеной ударили по наковальне, потом снова. В мастерской потрескивал фитиль маленькой спиртовой лампы, над которой Тарен до их прихода грел погнутую ось.

— Что случилось? — спросил он.

Бран посмотрел на дочь.

— Я перешёл.

— Сегодня?

— К десятому колоколу, — ответила Ива. — Я ждала у ворот. Думала, он опять задержался с телегой. Люди выходили, его всё не было. А он сидел возле камня, мимо которого я три раза прошла.

Тарен повесил на гвоздь фартук. Проверил, погасил ли лампу. Фитиль продолжал гореть; он накрыл его колпачком.

— Тебе нужен лекарь.

— Там был лекарь, — сказал Бран.

— Переправный?

— Другого возле ворот нет.

— Что он сказал?

— Что возраст. Что мне надо лежать и пить тёплое. Дал бумажку.

Бран полез под куртку. Пальцы долго не попадали в карман. Ива хотела помочь, но он отстранил её руку.

На верстак легла сложенная вчетверо справка. Тарен не стал её раскрывать.

— А плата?

Бран снова посмотрел на дочь.

— Как у всех. Год.

* * *

Бумажную квитанцию держала Ива. Она вынула её из кошель между двумя сухими дощечками: видимо, убрала туда ещё у ворот, чтобы не намокла.

Тарен передвинул к окну весы, над которыми работал, и расправил лист на освободившемся месте.

Каменская переправа. Обычный пеший проход. Запад — восток.

Бран Рут.

Одна годовая мера.

Год собственной жизни за дорогу через Полосу. Обычная плата: Тарен записывал её тысячи раз. Часть забранной меры поддерживала защиту пути. Без неё человек мог состариться ещё до середины перехода, а обход до соседней переправы занимал недели. Поэтому переезжали редко, заранее продавали дома, пересчитывали деньги и долго решали, кого оставить на другом берегу.

Ни доплаты за чужой груз, ни принятого на себя расхода спутника. Отдельная строка для общего расчёта перечёркнута. Внизу стояли утреннее время, номер жетона и аккуратная подпись Лиссы Керн.

Тарен задержал взгляд на последней букве. Лисса по-прежнему поднимала её хвостик вверх, чтобы никто не приписал лишний знак. Когда-то он сам заставлял её переписывать ведомости из-за этого.

— Можешь что-нибудь сказать? — спросила Ива.

— По бумаге всё правильно.

— На бумаге я и сама прочитала.

Он повернул квитанцию обратно и указал на две пустые строки.

— Здесь отмечают, если человек платит за кого-то ещё. А здесь — особый расход. Обе пустые. Я спрашиваю потому, что должен это исключить.

— Он ни за кого не платил.

— Я у него спрошу.

Бран смотрел в окно.

— Не платил, Тарен. Всё, что с меня попросили, — один год. Я ещё подумал: прошлый раз отдал столько же, когда мать её вёз. А теперь один иду, и мешок один, могло бы быть поменьше.

В мешке что-то стукнуло о пол. Ива придвинула его подальше от стула.

— Жетон у тебя? — спросил Тарен.

Бран кивнул на кошель дочери.

Она достала медный кружок на грубом шнурке. Кружок был чуть больше монеты. Сквозь узкое окно в середине виднелась тусклая пластинка, по краю шёл номер. Такие жетоны люди прятали после прохода вместе с квитанциями. Иногда теряли, иногда оставляли детям: дальше месяца они были почти никому не нужны.

Тарен взял его за шнурок.

— Кто-нибудь открывал?

— Мы не умеем, — сказала Ива.

Он проверил кромку ногтем. Обжим не тронут. Номер совпадал с бумагой.

— Ты ведь больше там не служишь? — спросил Бран.

— Нет.

— А они сказали, к тебе не ходить.

Тарен поднял голову.

— Кто сказал?

— Человек возле лекаря. С планшетом. Спросил, знаю ли я кого в посаде. Я назвал тебя и дочь. Он сказал, что мерщик Вель от службы отстранён и путевые дела не разбирает.

— Так и есть, — сказал Тарен.

Ива забрала квитанцию. Складывала она её осторожно, по старым сгибам.

— Тогда мы зря отняли время.

Бран наклонился за испорченными сапогами.

— Посидите, — сказал Тарен.

Он запер входную дверь. Повернул к улице ту сторону таблички, где было выжжено «После полудня не принимаю». Табличка вралась почти каждый день, но сегодня могла пригодиться.

Под верстаком стоял длинный ящик с измерительными рамками. Тарен вытащил его, поставил на стол и стал разбирать содержимое. Шаблоны для гирь. Два отвеса. Железная линейка с отбитым углом.

Нужная рамка лежала на дне, завёрнутая в промасленную ткань.

— Это надолго? — спросила Ива.

— Не знаю, в каком она состоянии.

Тарен развернул ткань. Рамка сохранилась хорошо. Лишь одна петля покрылась зеленью. Он вытер её, подвигал, потом достал из футляра тонкое затемнённое стекло.

Бран молча наблюдал за ним. Когда Тарен вставил стекло, старик чуть подался вперёд.

— Я тебе этот футляр делал.

На внутренней стороне крышки действительно стояло клеймо: маленький обруч с насечкой.

— Твой, — подтвердил Тарен.

— За петлю с тебя денег не взял. Помнишь? У меня хорошей не было. Поставил, что нашлось.

— Помню.

Тарен ничего подобного не помнил. Теперь, глядя на петлю, ему хотелось вспомнить: где они стояли, что говорили, как выглядел Бран в тот день. В голове оставалась только клетчатая повязка вокруг его лица.

Он снова зажёл лампу, подвёл пламя под стекло и дождался, пока на нём исчезнут мутные разводы. Потом закрепил жетон в пазу.

— Греть будем? — спросил Бран.

— Стекло. Сам жетон греть нельзя.

— Я уж подумал, расплавишь.

Тарен передвинул лампу в сторону.

В пластинке открылся след. Сначала едва заметный: светлая полоса от нижнего края к середине. Он медленно наклонил рамку, добиваясь нужного угла.

Светлая полоса стала чётче. Дошла до круглой отметки прохода и вышла к верхнему краю.

Год. По крайней мере, основной отвод был выставлен на год.

Тарен изменил наклон ещё раз.

Возле круглой отметки появилась короткая тонкая черта. Он принял её за царапину, снял стекло, протёр и установил заново.

Черта осталась. Ветвилась от главного следа и уходила к правому краю, где в обычном жетоне ничего не должно было быть.

Тарен посмотрел на Брана.

Тот попытался приподнять босую ногу, но не смог. Ива взяла со стеллажа деревянный ящик и придвинула под ступни.

— Ещё один вопрос, — сказал Тарен. — Во время расчёта тебя просили повторно приложить руку? После того, как воротник уже сняли?

— Нет.

— Давали подписывать согласие на второй отвод?

— Я подписал проход. Один год. Я умею читать.

Тарен кивнул.

— Здесь два следа, — сказал он Иве, не убирая рамку. — Один — то, что ушло на переход. Другой должен быть отдельно записан. Его нет в квитанции.

Она подошла ближе.

— Это значит, с него взяли два года?

— Нет. Два следа — два назначения. Сколько ушло по второму, на моей рамке не прочитать.

— Но взяли?

Тарен ещё раз проверил кромку жетона.

— Да.

Он заставил себя произнести это без оговорок. Ива ждала продолжения, а он молчал, потому что следующего ответа у него не было.

— Вернуть можно? — спросила она.

За стеной перестали стучать. Стало слышно, как вода из переполненного желоба льётся на бочку во дворе.

— Если осталось что возвращать, — сказал Тарен. — Нужно найти запись самого узла.

— А если не осталось?

Он посмотрел на её руки. Ногти коротко острижены, под одним въелась зелень, на костяшке недавний ожог.

— Тогда я не смогу.

Бран провёл ладонью по груди, разглаживая мокрую куртку.

— В кармане деньги. Ива, достань.

— Отец, перестань.

— Человек работает.

Тарен снял жетон с рамки.

— За это не надо.

В дверь постучали.

* * *

Стук повторился: два удара, короткая пауза, третий.

Бран выпрямился так резко, что поморщился.

— С планшетом, — сказал он.

Тарен закрыл ящик, но рамку убирать не стал. Жетон он положил под чашу весов. Затем открыл дверь на ширину ладони.

На пороге стоял полный мужчина в дорожной накидке. Под мышкой он держал кожаный планшет; дождь стекал с его застёжек. Позади ждал молодой служитель с грубым одеялом. У края переуллка виднелась крытая тележка для больных.

— Господин Вель?

— Мастерская закрыта.

— Я по поводу Брана Рута. Орс, путевая служба. Нам сообщили, что он здесь.

Мужчина смотрел через плечо Тарена.

— Кто сообщил?

— Мы помогаем человеку, которому стало плохо после дороги. Можно войти?

Тарен открыл чуть шире. Орс снял шляпу, стряхнул с неё воду за порог и вошёл, оставив служителя снаружи. Увидев Брана, он сразу направился к нему.

— Что же вы ушли? Для вас готовили место.

— Дочь пришла, — ответил Бран.

— Она могла бы поехать с вами. У нас хороший уход. Пища, сухое бельё. Здесь ведь даже лечь негде.

Орс оглядел мастерскую. Стул, верстак, гири на полу. Он был прав: лечь было негде.

— Врач осмотрит вас повторно, — продолжил он. — Иногда после прохода возникают состояния, которые с дороги трудно отличить от обычной слабости.

— Он постарел, — сказала Ива.

Орс повернулся к ней.

— Это должен установить врач.

— Я знаю своего отца.

— Конечно. Потому и предлагаю вам сопровождать его.

Он раскрыл планшет. Внутри лежало несколько одинаковых листов. Орс перевернул верхний и вытащил следующий, уже заполненный.

Тарен успел заметить имя Брана.

— Когда вы составили направление?

— У ворот.

— А остальные на кого?

Орс положил ладонь на бумаги.

— Вы спрашиваете о чужих больных?

Бран закашлялся. Ива придвинула ему кружку, но он отмахнулся. Кашель прошёл, оставив его согнувшимся, с открытым ртом.

Тарену захотелось отойти от двери. Впустить служителя с одеялом, помочь уложить Брана в тележку. Переправная лечебница была большим каменным домом. Там топили даже летом. У Тарена в мастерской сквозило из-под подоконника, а денег на дрова он оставил ровно до конца месяца.

Орс вынул чистый бланк.

— Квитанция и жетон у вас? Их необходимо приложить к делу. Если произошла ошибка, без них расчёт не пересмотрят.

— У меня, — сказала Ива.

Она уже потянулась к кошельку.

Тарен остановил её жестом.

— Составьте акт приёма.

— Разумеется. В конторе.

— Здесь.

Орс посмотрел на него внимательнее.

— Я не уполномочен проводить приём расчётных документов вне службы.

— Забрать уполномочены?

— Доставить вместе с владельцем. Господин Вель, вы же знаете порядок.

Тарен знал. Все путевые жетоны принадлежали переправе. Их выдавали человеку, чтобы он мог в течение месяца оспорить расчёт, после чего пластинку разрешалось переплавить. Отдельного запрета на их сбор у больных в порядке не было.

Не было и разрешения.

— Тогда впишите в направление номер жетона и состояние обжима, — сказал он. — Укажите, что квитанция выдана на один год, а внутри обнаружен незаписанный второй отвод. Подпишите. После этого будем говорить о передаче.

Орс закрыл планшет.

Он не посмотрел на Брана. Не спросил, кто обнаружил отвод. Взгляд его прошёл по столу и остановился на поверочной рамке.

— У вас сохранилось служебное оборудование.

— Выкуплено при расчёте. Квитанцию показать?

— Учитывая обстоятельства вашего ухода, подобные самостоятельные заключения могут вызвать вопросы.

— Пусть вызовут.

Тарен ответил слишком быстро и узнал свой прежний тон. В последние недели службы он уже понимал, что его не слушают, но всё ещё повышал голос.

Орс снова обратился к Иве:

— Я не стану мешать вам выбирать советчиков. Однако вашему отцу нужен уход. Вы можете отказаться от помощи письменно.

— Я не отказываюсь от помощи, — сказала она. — Я отвезу его к лекарю на Рыбной улице.

— За собственный счёт.

— Да.

— И без служебной тележки. Она закреплена за лечебницей.

Бран сжал кружку.

— Я сам дойду.

— Не дойдёшь, — сказала Ива.

Она произнесла это ровно, глядя на Орс.

— Тележку найдём.

Он постоял, держа шляпу перед собой. Затем открыл дверь.

— До конца дня мастерская будет открыта?

— Для кого? — спросил Тарен.

— Если из конторы потребуется уточнение.

— Найдёте.

Орс кивнул и вышел. Молодой служитель с одеялом пропустил его вперёд. Они вернулись к тележке; колёса застучали по камням.

Тарен не сразу закрыл дверь. Дождь почти кончился. Через переулок торговка ставила под навес корзины с репой. Над крышами виднелась верхняя часть путевых ворот. Оттуда, из-под серого неба, доносился протяжный звук сигнального колокола.

После полудня открывали последнюю смену.

* * *

Сосед-сапожник одолжил тележку, на которой возил кожу. Когда Тарен привёз её к заднему входу, Ива уже перевязала отцу натёртые ноги и закутала их в старое полотно.

Бран держал разрезанные сапоги на коленях.

— Оставь, я отдам починить, — сказал Тарен.

— Потом заберу.

— Потом.

Они вдвоём с Ивой пересадили его на мешки из-под опилок. Тарен принёс из каморки своё одеяло. Бран попробовал возразить, но дочери хватило взгляда, чтобы он замолчал.

Ива проверила, не задевает ли край повязки колесо. Затем отвела Тарена на шаг в сторону.

— Ты уверен насчёт этого следа?

— Да.

— А почему сразу не позвал стражу?

— Они отправили бы нас к переправному смотрителю. Жалобы на расчёт принимает он.

— Значит, всё равно придётся к ним.

— Придётся.

Она посмотрела на дверь мастерской.

— Жетон оставишь себе?

— Если позволишь.

Ива помолчала.

— Дай бумагу.

Тарен вынес лист из счётной книги, перо и чернильницу. Прямо на подоконнике записал, что принял у Ивы Рут неповреждённый путевой жетон с таким-то номером, выданный её отцу этим утром. Добавил дату, своё имя и подпись.

— И про второй отвод, — сказала она.

Он дописал.

Ива прочитала лист, дождалась, пока подсохнут чернила, и убрала его к квитанции.

— Я ничего не обещаю, — сказал Тарен.

Она подняла на него глаза.

— Ты уже обещал вернуть жетон. С этого и начнём.

Он хотел ответить, что имел в виду совсем другое, но промолчал.

В тележке зашевелился Бран.

— Тарен.

Они подошли.

— Я не совсем правильно тебе сказал. Насчёт подписи.

Тарен присел рядом.

— Что ещё подписывал?

— Заявление. На переселение. Я ведь к ней насовсем. Дом продал, мастерскую отдал племяннику. Бочки теперь плечами не поднять и так уже. Думал, здесь мелкое что-нибудь делать.

Он кивнул на свой мешок.

— Инструмент взял.

Ива отвернулась поправить одеяло.

— Когда подписал заявление? — спросил Тарен.

— До расчёта. Девушка спросила, буду ли возвращаться. Я сказал — нет. Тогда меня повели в правую комнату. Чтобы вместе всё оформить, без очереди. Так я подумал.

— Какая девушка? Та, чья подпись на квитанции?

— Не знаю. Там их двое было. Я имена не спрашивал.

— И что происходило в комнате?

— Посидел. Потом позвали к воротнику. Всё как всегда. Только стул другой. Со спинкой.

Тарен держал ладонь на деревянном борту.

Правая комната находилась за расчётным залом. Раньше там хранили запасные книги. Стул со спинкой был нужен тем, кто отдавал большую меру и мог потерять сознание.

Он этого Брану не сказал.

— Там ещё кто-нибудь был?

— Женщина с двумя узлами. Мужчина, совсем молодой. У него на щеке родинка. Он меня пропустил вперёд, потому что я сидеть хотел. Я ему спасибо сказал.

— Они тоже переселялись?

— Наверное. Все спрашивали, надо ли вернуться. Я сказал, что на той стороне мне больше не к кому.

Тарен убрал руку с борта.

— Езжайте. У лекаря спросите, можно ли его сегодня перевозить ещё раз. Если нельзя, оставайтесь там, я приду.

— Куда ты собрался? — спросила Ива.

— К той, кто выдал квитанцию.

— А человек с планшетом?

— Он уже знает, что жетон у меня.

— Это не ответ.

Тарен взглянул на путевые ворота. По верхнему помосту шли двое рабочих с длинной лестницей. Один остановился и повернулся к Полосе; отсюда было видно только, как поднялся его локоть, когда он прикрыл глаза от ветра.

— Хочу успеть, пока не закончилась её смена, — сказал Тарен. — Потом записи уйдут управляющему.

Ива принялась разворачивать тележку. На узком проходе колесо упёрлось в бочку. Тарен помог отодвинуть её, придержал оглоблю, пока они выбирались на улицу.

Бран обернулся.

— Только сапоги не выбрасывай.

— Не выброшу.

Они медленно двинулись к Рыбной улице. Ива шла между оглоблями, подобрав подол; мешок с отцовским инструментом лежал у её ног и постукивал на каждом камне. Тарен смотрел им вслед до поворота.

Вернувшись, он достал жетон из-под чаши. Завернул в чистую тряпицу и положил во внутренний карман. Потом отыскал старую служебную книжку. Право проводить расчёт в ней было перечёркнуто, но оставались образец подписи и отметка о выкупленном оборудовании.

Тарен раскрыл последнюю страницу.

Три года назад он потратил целый день, добиваясь, чтобы вместо «отстранён» написали «освобождён от должности по собственному прошению». Начальник конторы уступил к вечеру. Тарен тогда вернулся домой с чувством, что отстоял что-то важное.

Сейчас он сунул книжку в карман, не закрывая как следует.

На стуле остались новые сапоги Брана. Один стоял ровно, второй завалился на бок, раскрыв длинный разрез до самой подошвы.

Тарен переставил их под верстак, чтобы никто не наступил.

Затем запер мастерскую и пошёл к переправе.

Глава 2. Чужая подпись

На лестнице к расчётному залу Тарен по привычке отступил вправо, пропуская встречающих. Раньше здесь носили ящики с пластинами. Теперь по лестнице спускались люди с узлами, а ящики поднимал новый ворот, пристроенный снаружи к стене. Железная рукоять поворачивалась рывками. На каждом обороте цепь задевала карниз.

Он помнил место без этого звука.

Внизу, под навесом, торговали горячим горохом. Мальчишка мыл ложки в одном ведре и полоскал в другом, тоже мутном. Женщина кормила с ложки мужа: тот сидел на каменной ступени, положив руки на колени. Тарен задержался. Мужчина поднял голову и сердито посмотрел на него. Тарен отвёл глаза и пошёл дальше.

Перед дверью его остановил сторож.

— Для подачи — налево. Расчёт на сегодня закончен.

Тарен показал книжку.

Сторож был незнакомый, с красными, разъеденными ветром веками. Он перелистнул книжку, увидел перечёркнутую строку и вернул.

— Для подачи — налево.

— Позови Лиссу Керн. Скажи, пришёл Вель.

— Она на сверке.

— Я подожду.

— Ждите слева.

Слева прежде стояла кадка с питьевой водой. Теперь там было окошко. Кадку убрали, оставив на полу чёрный круг. Перед окошком собралась очередь из семи человек; восьмым был ребёнок, спавший у женщины на спине. При каждом её движении его голова стучалась о стену. Тарен хотел предложить подложить что-нибудь, но женщина сама сунула между затылком ребёнка и штукатуркой варежку.

Впереди спорили из-за козы.

— Она не пассажир, — говорил худой мужчина в пастушьей шапке. — Я за неё как за груз заплатил.

— Тогда не выпускайте из клетки.

— Она сгрызла верёвку.

За окошком закрыли книгу.

— Следующий.

Тарен стоял и смотрел на чёрный круг от кадки. Отсюда не было видно самой Полосы. Только верхушки мачт с защитными полотнищами поднимались над крышей зала. Полотнища висели неподвижно, хотя над посадом дул ветер. Это всегда пугало приезжих: по одну сторону стены треплет волосы, по другую ни одна нитка не шевелится.

Местные переставали замечать лет к десяти.

Лисса появилась раньше, чем подошла его очередь. Несла под мышкой стопку дощечек, на одной руке — чернильное пятно от запястья до локтя. Увидев Тарена, она сперва улыбнулась, потом оглядела его одежду: мокрый воротник, домашние башмаки, книжка в руке.

— Ты опять пришёл доказывать, что мерные камни усыхают?

— Они и усыхают.

— За три года мы успели это заметить.

Улыбка пропала, когда он назвал Брана.

Лисса подняла дощечки повыше.

— Пойдём.

Она провела его не в расчётный зал, а в тесную комнату для плащей. Здесь пахло мокрым сукном и вчерашним луком. На лавке лежали две пары рабочих рукавиц. Лисса положила дощечки между ними, прикрыла дверь плечом.

— Орс уже докладывал.

— Что именно?

— Ты удерживаешь путевую вещь и пугаешь больного.

Тарен развязал тряпицу. Жетон он положил на ладонь, оставив шнурок обмотанным вокруг пальца.

— Его квитанция подписана тобой.

— Я знаю, что подписываю.

— Хорошо. Значит, ты видела расход.

Она потянулась за жетоном. Он позволил ей взять его, но шнурок не снял. Лисса заметила это. Её губы сжались.

— У нас восемьдесят три прохода за смену. Я сверяю номер, тариф, согласие. Сам расчёт идёт за перегородкой.

— Раньше старший видел выходной камень.

— Раньше в смене было двенадцать человек. Теперь семь.

— У Брана два отвода.

Лисса перевернула жетон.

— На твоей старой рамке?

— На ней.

— Стекло менял?

— Нет. Снимал, чистил, смотрел под другим углом. Обжим цел.

Она ещё раз осмотрела край, провела большим пальцем по номеру.

— Подожди здесь.

— Я пойду с тобой.

— Тогда ты останешься за дверью, а я буду объяснять, почему привела постороннего к работающему узлу. Подожди здесь, Тарен.

На этот раз в её голосе не было ученицы. Он выпустил шнурок.

Лисса взяла жетон и ушла.

Первые несколько мгновений Тарен чувствовал только собственную ладонь — пустую, ещё тёплую в том месте, где лежала медь. Он представлял, как Лисса кладёт жетон в служебный ящик, поворачивает ключ и возвращается с извинением. Как он стоит перед ней, не имея ничего, кроме старой рамки и собственного слова.

За стеной звякнули чашки. Кто-то смеялся, рассказывая про козу. Потом раздался короткий удар, второй, третий: рабочие отбивали клин из вечерней заслонки. Всё продолжалось обычным порядком.

Лисса вернулась с жетоном и белой ниткой, которой его привязывали к служебной рамке. Нитку она оборвала у самого ушка.

— Второй есть.

Тарен протянул руку.

— Спасибо.

— Я не для тебя проверяла.

Он завернул жетон. Лисса села на лавку, сдвинув рукавицы. Чернильное пятно на её руке блестело там, где намокло.

— Покажи мне Брана, — сказала она.

— На Рыбной улице. У лекаря.

— Мара?

— Ива сказала — у нижнего колодца.

— Мара. Я схожу после смены.

— Сначала первичную запись.

Лисса закрыла глаза, будто он попросил её поднести тяжёлый ящик, который она только что поставила.

— Я уже попросила.

— И?

— Утреннюю ленту сняли на внеочередную сверку. Вместе с правым кассетником.

На первичной ленте — тонкой полоске тусклого стекла — оставался след каждого расчёта: номер, вход, расход, направление. Фамилий там не было. Прочитанное с помощью прибора переносили в книги, а саму ленту на месяц убирали в архив.

Кассетник нельзя было снять посреди дня без распоряжения старшего.

— Кто подписал изъятие?

Лисса потянулась к стопке дощечек, но остановилась.

— Управляющий.

— Когда?

— После третьего дневного колокола.

Тарен вспомнил, как Орс стоял у него в мастерской. Как смотрел на рамку, не спросив, кто прочёл след.

— Ты видела его распоряжение?

— Да.

— Дай копию.

— Я могу дать выписку владельцу жетона. Или человеку с его поручением.

— У меня расписка, что я принял жетон.

— У тебя расписка, что ты принял жетон. Это другое.

Он уже набрал воздуха, чтобы спорить, но Лисса прижала палец к губам. За дверью прошли двое. Один остановился, дёрнул за ручку.

— Керн, ты здесь?

— Плащ ищу.

— В сверочную явись. Радан Сергеевич ещё не уехал.

Шаги удалились.

— Ты всё ещё называешь его по имени-отчеству? — спросил Тарен.

— Все называют.

Он когда-то тоже называл. Радан Сергеевич Кресс устроился управляющим за год до ухода Тарена. Снял ненужные внутренние перегородки, наладил выдачу жалованья, пригласил лекаря. Тарен хорошо помнил первую выплату без задержки. Он купил тогда себе зимнее одеяло — то самое, в которое сегодня завернули Брана.

— Я подам жалобу, — сказал он.

— От имени Брана?

— От своего. На расхождение между квитанцией и следом.

Лисса посмотрела на его внутренний карман.

— Придётся предъявить вещь.

— Предъявлю. Передавать не стану.

— Здесь могут не принять.

— Пусть письменно откажут.

Она поднялась.

— Ты говоришь прямо как раньше.

Тарен хотел ответить, что порядок тоже остался прежним. Но порядок, судя по всему, давно изменился, а он три года старательно этого не замечал.

* * *

В окошке принимал человек с тонкими усиками. Он выслушал Тарена, нашёл нужную страницу, положил перед собой чистый лист. Когда прозвучало имя Брана, перо остановилось.

— Такое обращение уже зарегистрировано.

— Кем?

— Самим владельцем.

— Сегодня?

Человек повернул книгу, но не настолько, чтобы Тарен мог прочитать.

— По поводу слабости после перехода. Он осмотрен, ему предложено содержание за счёт переправы. От предложения отказался через родственницу.

— Я обращаюсь по поводу расхода.

— Это одно дело.

— Нет.

Человек выдохнул через нос и перевернул ещё страницу.

— Господин Вель, заключение уже есть. Слабость существовала до расчёта. Лекарь отметил признаки преждевременного увядания при предварительном осмотре.

Тарен положил ладонь на край окошка.

— Бран проходил осмотр до расчёта?

— По всем правилам.

— Где находится предварительное заключение?

— В деле.

— Я хочу подать отдельное заявление. Напишите: «Обнаружен второй физический отвод при отсутствии записи о согласии». Дальше я сам.

Усики дрогнули. Человек обернулся на дверь за спиной, затем придвинул чистый лист.

— Документ, подтверждающий право на проверку.

Тарен показал книжку.

Человек посмотрел на перечёркнутую строку.

— Действующий.

Несколько секунд Тарен стоял неподвижно. Потом взял со стола лист, придвинул чернильницу и написал заявление стоя. Перо оказалось расщеплено; на слове «обнаружил» брызнула клякса. Он не стал переписывать.

В конце добавил, что просит сохранить первичную ленту утренней смены и кассету правой комнаты до независимой сверки.

— Запишите входящий номер.

— Право подписи у вас...

— Право жаловаться на расход собственной жизненной меры у меня тоже перечёркнуто? А на то, что я увидел своими глазами?

— Не повышайте голоса.

Тарен только теперь заметил, что женщина с ребёнком отступила от него. Мальчик проснулся и смотрел из-за её плеча.

— Прошу записать номер, — сказал он тише.

Усатый ещё раз посмотрел на дверь. Затем поставил дату и номер, приложил печать к отрывному краю. Отдал Тарену полоску бумаги.

— О рассмотрении сообщим.

Тарен отошёл к стене. Рука дрожала так, что он не сразу сумел убрать полоску в книжку. Заявление приняли. Теперь управляющий узнает всё, что он обнаружил, — вплоть до того, какую запись искать. Тарен сам указал её в последней строке.

На лестнице его догнал сторож.

— Вель. Управляющий просит задержаться.

— Сейчас?

— Ненадолго.

Тарен посмотрел вниз. У горохового лотка убирали котёл. По площади катили закрытую тележку; спереди шагал служитель с фонарём, хотя ещё не стемнело.

— Передай, что больной ждёт. В заявлении есть мой адрес.

Сторож не отходил.

— Мне велено проводить.

— Я задержан?

Тот покосился на людей. Женщина с ребёнком стояла на три ступени ниже, поправляла узел варежки. Мужчина в пастушьей шапке тащил пустую клетку.

— Приглашён.

— Тогда передай как сказал.

Тарен начал спускаться. Он ждал руки на плече почти до самой площади. Руки не было.

У лотка он купил две оставшиеся гороховые лепёшки. Пока мальчишка заворачивал их в лист, Тарен посмотрел назад. Сторож стоял в дверях. Рядом с ним появился другой человек — в короткой кожаной куртке, без служебной перевязи. Они поговорили. Человек спустился по лестнице, миновал лоток, не глядя на Тарена, и остановился у питейного двора.

Тарен убрал лепёшки под плащ. Пошёл к Рыбной улице кружным путём, через торговые ряды. Там ещё не разошлись продавцы. Он задержался у горшечника, спросил цену на миску, которую не собирался покупать, и увидел кожаную куртку на другом конце ряда.

Возвращаться к мастерской было бы проще. Можно запереться, опустить ставни, дожидаться утра. За дверью оставались знакомые вещи, никакая из них не требовала объяснений.

Тарен купил миску. Горшечник завернул её в солому и счёл необходимым дважды предупредить, чтобы не ставили прямо в огонь.

— Для каши, — сказал Тарен.

Потом пошёл к лекарю.

* * *

Мара приняла его на заднем крыльце. Невысокая женщина в мужском шерстяном жилете, с сухими красными руками. В одной руке у неё была ложка, в другой — блюдце с растёртым порошком.

— Если ты ещё один родственник, ступай покупать дрова, — сказала она. — Родственников на дворе много, тепла от них мало.

— Я Тарен Вель.

— Дров от этого не прибавится.

Он отдал лепёшки. Мара понюхала бумагу, одну лепёшку сразу разломила пополам.

— Войди. Только не говори больному «выглядите лучше». Сегодня это особенно глупо.

Бран лежал на узкой кровати возле печи. Ива сидела на полу, вытянув ноги; ладонь отца лежала у неё на голове. Увидев Тарена, она осторожно выбралась из-под этой ладони.

— Нашёл?

Он рассказал про ленту. Про второй след на исправной рамке. Про заключение, составленное якобы до прохода.

Бран поднялся на локте.

— До прохода меня никто не смотрел.

Мара подложила ему под спину свёрнутое одеяло.

— Это я запишу. Продолжай.

Тарен достал полоску с входящим номером. Ива взяла её, прочитала, положила на край кровати рядом со своими бумагами.

— Теперь они обязаны проверить?

— Теперь у них есть заявление.

— Я не об этом спросила.

Он опустился на табурет. Миска в соломе мешала под локтем; Тарен поставил её на пол.

— Не знаю, Ива. Я пришёл за записью, а её убрали. Когда узнал про ложный осмотр, решил заставить их ответить письменно. Теперь думаю, что прежде надо было найти остальных из той комнаты.

Ива не стала утешать его. Подняла миску, развернула, посмотрела на трещинку глазури у края.

— Зачем купил?

— За мной шёл человек. Хотел задержаться и проверить.

Она положила солону возле печи.

— Он знает, что ты здесь?

— Возможно.

Мара подошла к окну и опустила занавеску, прежде посмотрев наружу.

— Человек в кожаном стоит у колодца. Пусть стоит. Внутрь без меня не войдёт.

— У тебя стража есть? — спросил Бран.

— У меня жена старшины рожала. Дважды. Пока хватает.

Бран тихо засмеялся и тут же закашлялся. Мара дождалась, пока он отдышится, отдала ему половину лепёшки и велела есть маленькими кусками.

В передней скрипнула дверь. Мара вышла. Тарен услышал чужой молодой голос, затем её короткое «погоди». Она вернулась с маленькой дощечкой, обёрнутой в кусок ткани.

— Керн передала. Сама не придёт: её смену оставили на ночь.

В ткани оказалась копия предварительного осмотра Брана. Всё выглядело безупречно: имя, возраст, признаки слабости, отметка о предупреждении, подпись лекаря. Лисса переписала даже время.

Тарен провёл пальцем вдоль строки. Осмотр состоялся за четверть часа до того, как Бран приложил руку к расчётному воротнику.

А подпись лекаря он тоже знал.

— Чья? — спросила Ива.

Тарен положил дощечку на стол.

— Нестор Галь. Мы работали вместе. Он умер прошлой зимой.

Мара медленно вытерла руки о полотенце.

— Не прошлой. Позапрошлой.

Никто больше не сказал ни слова. Снаружи стукнула цепь колодца. Человек в кожаной куртке набирал себе воды.

Глава 3. Те, кто не дошёл

До рассвета Тарен трижды поднимался с лавки, уверенный, что стучат. В первый раз падала в топке головня. Во второй Мара вытряхивала половик. В третий стук действительно раздался, но пришли за лекаркой: на солодовне человеку придавило ногу.

Мара ушла, оставив Иве список. Тарен прочитал его через плечо: вода, жар, дыхание, повязки.

Под утро Тарен всё-таки задремал. Проснулся от запаха подгорелой крупы.

Ива стояла у печи с его вчерашней миской. Соскребала кашу со дна и перекладывала в кружку.

— Я предупреждение горшечника не передал, — сказал он.

— Уже догадалась.

Она показала доньшко, лопнувшее ровным крестом.

— Можешь добавить в расписку. Жетон и одна негодная миска.

Бран спал. Во сне он время от времени шевелил правой рукой, словно ощупывал невидимую рукоять. Пальцы уже не были такими опухшими, однако на смятой простыне оставался розовый след от повязки.

Тарен подошёл к занавеске. У колодца никого не было. На мокрой мостовой лежал опрокинутый жестяной ковш.

— Я пойду на работу, — сказала Ива.

— Сейчас?

— Меня вчера не отпустили. Я просто ушла. Если сегодня не появлюсь, завтра у меня не будет жалованья.

— А отец?

Она посмотрела на него.

Тарен кивнул.

— Побуду.

Ива протянула ему список Мары, завязала под подбородком платок и ушла через двор.

Бран проснулся почти сразу. Попросил воды, долго пил, затем поинтересовался, где дочь. Услышав про аптеку, одобрительно хмыкнул.

— Вот и правильно. Из-за меня работы бросать не велел.

Тарен помог ему сесть. Бран попытался приподнять обе ноги вместе, не смог и разозлился на простыню, которая будто бы мешала. Потом устал сердиться. Ел молча, удерживая кружку двумя руками.

— Ты её давно видел? — спросил он наконец.

— Иву?

— Не на улице. Разговаривал.

Тарен покачал головой.

— А живёте в шести улицах друг от друга. Странно. Я на том берегу всем говорил: у меня дочь в Каменском посаде, там и Тарен теперь. Словно вы вместе обедаете по воскресеньям.

Он усмехнулся, глядя в кружку.

— Она всегда писала, что всё хорошо.

— Может, так и было.

— Писала бы иначе — я бы приехал. Вот и писала.

За стеной плакал младенец, чей отец вчера принёс Маре в уплату две утки. Одну утку Мара велела зарезать, другую почему-то оставила в сарае. Теперь та подхватывала плач неприятным надтреснутым криком. Бран слушал их обоих с таким вниманием, словно звуки помогали ему удерживаться в комнате.

— Что со мной будет? — спросил он.

Тарен опустил взгляд на список.

— Мара сказала, сегодня можно перевозить, если недалеко и по ровному.

— Я не про сегодня.

Вчера Тарен обещал только вернуть жетон. Это было удобно: вещь лежала в кармане, обещание можно было исполнить в любую минуту. Сейчас удобного ответа не осталось.

— Постараемся найти твою меру. У переправы есть запасник. То, что осталось там, можно вернуть.

— Я снова стану как был?

— Не знаю, сколько осталось.

Бран облизнул сухую губу.

— Когда мне было двадцать, я однажды поспорил на десять лет. С одним дураком, который торговал щепой. Он говорил, не подниму бочку с водой. Я говорил, подниму. При мерщике, конечно, спорить никто не собирался. Так, языком.

Он поставил кружку.

— Теперь всё вспоминаю. Как легко сказал. Словно чужое.

Тарен не знал, что на это ответить. Он расправил сползшее одеяло, хотя Бран мог сделать это сам, и сразу убрал руки.

* * *

Ива вернулась в середине утра. С ней пришёл молодой мужчина в слишком широком пальто. Правая щека его была заметно темнее левой: возле скулы расплзалась большая родинка. Он остановился на пороге, увидел Брана и потянулся снять шапку. Кисть не слушалась. Шапка упала, и мужчина смотрел на неё, не наклоняясь.

— Сева, — сказал Бран. — Ты меня вперёд пустил.

Мужчина кивнул.

Ива подняла шапку, усадила его на лавку. Под пальто у него была новая свадебная рубашка, шнурок на воротах ещё не успел обтрепаться. На запястье Тарен заметил широкий красный след.

— Сева Петрель, — представился мужчина. — Мне сказали, вы умеете жалобы.

Тарен посмотрел на Иву.

— Я сказала: можешь проверить жетон, — поправила она. — Он пришёл в лавку за мазью для суставов. Я спросила, с какого прохода.

— Вчерашнего, — сказал Сева. — У меня жена здесь. Мы весной расписались, а переехать смог только сейчас. Надо было хозяину закончить крышу. Я кровельщик.

Ему было двадцать семь. Это выяснилось не сразу: на вопрос Тарена он ответил «не знаю», потом извинился и назвал возраст. Седина в бороде ещё не успела отрасти. Волосы у висков были обычные, тёмные. Но кожа под глазами лежала тяжёлыми складками, а руки дрожали так, что Ива придерживала кружку, пока он пил.

Бран молча подвинулся на кровати, освобождая место. Сева не сел рядом.

— Ная не хочет, чтобы я говорил, — произнёс он. — Она говорит, всё поправят, если не шуметь. Нам обещали комнату при лечебнице. Сегодня придут за нами.

Тарен попросил жетон.

Сева достал его из-за ворота. Шнурок был завязан тремя узлами.

— Не режьте. Ная завязала.

Рамка осталась в мастерской. Тарен уже собирался за ней, когда Ива положила на стол знакомый футляр.

— Сапожник передал. Ты задний засов вчера не опустил. Я зашла спросить, можно ли ещё поддержать тележку.

Тарен отчётливо вспомнил, как тщательно проверял передний замок. Про задний засов он забыл. Он поблагодарил Иву и развернул рамку.

У Севы тоже было два следа. Квитанция обещала один год. Медицинское заключение он получил уже после прохода, и в нём опять говорилось о слабости, замеченной заранее. Только подпись была другая: действующего лекаря, которого Тарен не знал.

Мара, вернувшись с солодовни, прочла оба заключения.

— Старый бланк могли взять по дурости, — сказала она про лист с именем Нестора. — Это ещё не доказывает, кто врёт. А вот то, что оба якобы слабы заранее, пусть объяснят при мне.

Она велела Севе расстегнуть рубаху. Осмотр занял долгое время. Тарен вышел во двор и сел на скамью возле колоды. Под ногами рассыпался овёс. Утка, просунув голову сквозь щель сарая, следила за каждым его движением.

На улице кто-то окликнул его. У ворот стоял сосед-сапожник, придерживая локтем свёрток.

— Дверь тебе прикрыл, — сказал он. — А это твой заказчик принёс. Ругается, весы нужны. Я сказал — заболел.

— Спасибо, Мит.

Сапожник передал свёрток: там лежали бронзовые чаши с распиленными подвесами.

— Что у вас тут?

— Люди после переправы.

Мит помолчал, глядя на окна.

— У моей сестры тоже было. Не так сильно. Мы решили — дорога.

— Когда?

— В начале лета. Она теперь у сына, в Долгом.

Тарен поднялся.

— Жетон сохранила?

— Отдала. Ей за него две серебрушки вернули. Сказали, возвращают излишний сбор. Она обрадовалась.

Сапожник потёр большим пальцем щетину на подбородке.

— Если будешь писать ей, не пиши сразу страшного. Она и без того спит плохо.

Он ушёл. Тарен остался возле калитки с чужими весами в руках. Две серебрушки стоили примерно столько же, сколько хороший ужин на постоялом дворе. Люди получали деньги, избавлялись от непонятной медной вещи и старались забыть плохую дорогу.

К полудню у него было уже три имени. Третье назвал Сева: Олна, женщина с двумя узлами, нанявшая угол у прачки возле глиняного карьера. Он помнил её потому, что она всю очередь рассказывала, как повезёт на восток семена красной фасоли. На западе фасоль вымерзала.

Ива взяла свой плащ.

— Сходим.

— Я один.

— Женщина не знает тебя. А мне нужно навестить прачку: она наш постоянный покупатель. Идём.

Мара велела вернуться до вечерней раздачи порошков. Бран и Сева остались у неё. Перед уходом Тарен записал, что принял второй жетон; Сева расписался с трудом и попросил Иву написать рядом имя жены — чтобы и она знала, у кого искать.

* * *

К глиняному карьеру вели три улицы, одинаково испорченные телегами. В колеях стояла вода цвета молока. Ива шла по краю, выбирая камни, а Тарен раз за разом попадал в грязь. Он привык к шести сухим переулкам между домом, рынком и мастерской. Посад за это время вырос к югу целой новой улицей.

— Ты здесь давно? — спросил он.

— Шестой год.

— Почему одна переехала?

— Учиться. У нас аптекарь брал только родственников. Здесь мастер Бела брала того, кто различит девясил и плохую морковь.

— Различила?

— Сначала нет. Потом научилась.

Она перешагнула канаву, обернулась помочь ему с футляром.

— Отец продал двух коней — на дорогу, жильё и учение. Год на переправе я отдала сама. А он всю дорогу твердил: кони всё равно старые. Потом три года возил бочки сам.

Тарен посмотрел на свою ладонь. На ней ещё оставалась светлая полоска от ремня футляра.

— Он хотел, чтобы ты знала?

— Про коней? Он хотел, чтобы я думала, будто не знаю.

Они дошли до низкого дома, с трёх сторон завешанного бельём. На верёвках стояли мокрые простыни, как стены комнат без крыши. Прачка впустила их неохотно: посетители приносили грязь, за которую никто не платил.

Олна сидела возле таза с фасолью. Разбирала зёрна здоровой рукой. Другая лежала на коленях, завернутая в полотно.

Ей был шестьдесят один год. Выглядела она старше своих лет, хотя не настолько, как ожидал Тарен после встречи с Браном. Говорила чётко, с раздражением, и первой спросила, кто их прислал.

Ива назвала Брана и Севу.

— Живы? — спросила Олна.

— Живы.

— Значит, хорошо.

Тарен объяснил про проверку. Олна слушала, перебирая фасоль; треснувшие зёрна кидала в миску, целые — на ткань.

— Я свою медяшку не отдала, — сказала она. — Приходили. Я сказала, потеряла. Вдруг ещё возвращаться понадобится.

— Разве жетон даёт обратный проход? — спросила Ива.

— Не даёт. А вдруг. Они любят менять правила после того, как тебе уже некуда идти.

Жетон лежал в холщовом мешочке среди фасоли. На этот раз Тарен собирал рамку на чужом сундуке, пока над головой скрипела верёвка с бельём. Второй след был слабее, чем у Брана, но шёл к тому же правому краю.

Олна смотрела ему в лицо.

— Сколько?

— Здесь нельзя посчитать.

— Значит, пока разговоры.

— Да. Пока могу подтвердить только, что у вас взяли отдельно от платы.

Она спрятала фасоль в мешочек и протянула ему жетон.

— Тогда пиши и про меня. Только не обещай, что я снова буду девушкой. Девушкой мне быть не понравилось.

Ива впервые за день улыбнулась.

На обратной дороге они зашли по адресу, который оставил Сева. Он снимал с женой каморку над пекарней. Внизу пахло хлебом и дымом от подгоревшей муки. Хозяин сказал, что женщина ушла полчаса назад.

— Одна?

— С путевыми. Они забрали сундук. Устроилась, видно.

Тарен поднялся по наружной лестнице. Каморка была открыта. На полу лежала лента, которой связывали постель. В чашке на подоконнике кисло пахло молоком. Возле двери стояли два башмака разных пар; видимо, собирались быстро.

Ива вошла следом.

— Она знала, где Сева, — сказала она.

На стене остался лист. Простой оборот от счёта за муку. На нём неровно было написано: «Сева, нас берут в больницу. Приходи в верхний дом. Я сказала, что без тебя не уеду далеко».

Тарен снял лист. Под ним, прижатая тем же гвоздём, осталась маленькая косичка из красных ниток. Он не стал её трогать.

— Надо идти туда, — сказала Ива.

— Сначала забрать Севу.

— А если её отправят дальше?

Тарен посмотрел в окно. За огородами поднималась белая стена лечебницы. Верхний дом находился позади, дальше от дороги; там когда-то жили служащие с семьями. Окон отсюда не было видно.

— Тогда мы должны хотя бы знать, куда его приведём.

Они спустились к пекарю. Тот месил тесто, опираясь всем весом на стол. Тарен попросил описать людей с тележкой.

— Обычные. Один полный, другой молодой.

— С планшетом?

— Все теперь с планшетами.

Пекарь достал из теста нитку и бросил в огонь.

— Слушай, мастер. Она мне за неделю задолжала. Те заплатили. Я квитанцию дал, всё честно. Что ещё?

— Номер тележки заметили?

— На дверце три зарубки. У них третье колесо скрипит. Заметил потому, что лошадь испугалась.

Тарен поблагодарил.

Пекарь видел оплаченный долг, Мит — деньги, которые вернули сестре, Лисса — восемьдесят три правильные квитанции.

* * *

У Мары они застали Лиссу. Та сидела в передней, положив руки на колени. Её служебный плащ был вывернут подкладкой наружу; только у воротника торчал угол синей перевязи.

— У меня час, — сказала она вместо приветствия.

Тарен показал жетоны. Лисса проверила номера по маленькой дощечке, которую принесла с собой. Бран, Сева, Олна: три прохода из правой комнаты. Ещё шесть человек в тот день оформляли переселение без обратного срока.

— Где остальные? — спросил Тарен.

— Не знаю. Двое уже уехали из посада. Четверо направлены в верхний дом.

Он передал записку Наи.

Лисса прочитала и больше не пыталась объяснять второй след неисправностью.

Сева вышел из комнаты, придерживаясь за стену. Услышал имя жены, протянул руку за листом. Прочитал дважды.

— Надо за ней.

Мара преградила ему дорогу.

— Сядь. Ты до угла не дошёл, когда пробовал.

— Она там одна.

— Сядь и говори. Сидя тебе легче будет.

Лисса поднялась.

— Я узнаю, в какой она палате. Могу спросить как служащая.

— Ты вернёшься? — спросил Сева.

Она посмотрела ему в лицо.

— До ночи передам весточку. Через помощника Мары.

Сева не отпустил записку. Лисса и не стала забирать.

Перед уходом она отвела Тарена к задней двери.

— Твоё заявление передали управляющему сразу. Он велел изъять все жетоны с вчерашней правой выдачи. Под видом повторного расчёта.

— Ты видела распоряжение?

— Я его переписывала.

На этот раз она не сказала, что копия полагается только владельцу. Достала из рукава полоску бумаги и сунула ему в ладонь.

— Не говори, откуда.

Тарен прочёл: владельцам обеспечить сопровождение; до осмотра не допускать самостоятельной повторной оплаты; расчётные знаки хранить отдельно. Последнее предложение было подчёркнуто.

— Они собирают людей, — сказал он.

— Их могут лечить.

— А знаки зачем отдельно?

Лисса посмотрела на двор, где утка наконец выбралась из сарая и с деловым видом пожирала овёс.

— Есть ещё западная смотрительница, — сказала она. — Элла Рен. Она приезжает на сезонную сверку через четыре дня.

Тарен знал это имя. Рен однажды вернула целый обоз из-за неподтверждённого общего расхода; восточные купцы месяц ругали её на всех перекрёстках.

— Если Кресс закроет восточный вход раньше, она останется на той стороне.

— Да.

Лисса провела пальцем по вывернутому воротнику, спрятала синюю ткань.

— Поэтому тебе придётся решить до её приезда.

После её ухода Тарен долго стоял возле двери. В кармане лежали три жетона. Сева в комнате пытался сам натянуть башмаки. Бран, не поднимаясь с кровати, объяснял, какой шнурок ослабить первым. У них выходило плохо, и от этого обычного, неловкого занятия Тарену стало страшнее, чем от распоряжения Кресса.

Он вошёл и опустил перед Севой на корточки.

— Давай помогу. Только сначала договоримся, куда пойдём.

Глава 4. Последний обоз

На площади разбирали ярмарочные лавки. Доски складывали на козлы, мешки с орехами уносили в подвалы. Осенняя торговля кончалась раньше, чем наступал настоящий холод: сначала закрывали переправу, потом пустели дороги, и только через неделю люди обнаруживали на воде первую корку льда.

В этот год лёд запаздывал. Полоса — нет.

На северной мачте висели два жёлтых полотнища. Тарен заметил их ещё от Рыбной улицы. Вчера было одно. Второе означало, что колебания защиты усилились: подходы закроют не позднее чем через четыре дня, утром. Точный час назначал совместный смотр. До этого часа переправа должна была принимать всех, чей расход подтверждён.

Должна была.

У торговых весов стоял человек в меховой безрукавке, совсем не по погоде. Ругался с тремя возчиками одновременно. Один возчик держал колесо, второй — сломанную спицу, третий явно не имел отношения к поломке, но участвовал по дружбе.

Тарен подождал, пока человек договорит.

— Юст.

Тот повернулся.

— Весы опять врут?

— Сегодня не знаю.

— Тогда хорошая новость. Держи.

Он сунул Тарену счётную дощечку, пока стягивал мокрую рукавицу зубами. На дощечке были перечёркнуты две суммы. Тарен удержался от привычки проверить сложение.

Юст возил через Полосу сукно и соль. Сам переходил редко: с западной стороны его грузы принимал брат, с восточной — он. Жизненную меру для обозов собирали у наёмных проводников и у тех, кто всё равно переселялся. За добровольно отданный излишек платили деньги. Тарен когда-то рассчитывал такие договоры, каждый раз спрашивая людей по отдельности, знают ли они цену.

Зимой Юст отправлял обозы в обход южного конца Полосы, по замёрзшим болотам. Там платили только деньгами: три недели пути, ночлеги, корм для лошадей. Но сейчас на болотах стояла вода. Прочного льда можно было ждать ещё месяц, а то и дольше. Тарен вспомнил, как Бран утром не смог удержать чашку. До зимней дороги ему сперва нужно было дожить.

— Завтра идёшь? — спросил он.

— Отправляю. Сам тут зимую, как всякий разумный человек. Я для запада слишком стар, для востока ещё в долгах.

— Мне нужно место для троих. Люди слабые, пешком не пройдут.

Юст перестал улыбаться.

— Мера есть?

— Будет общий расчёт.

— Чей?

— Мой. Ещё ищу.

Купец забрал дощечку. Посмотрел не на Тарена, а на его башмаки, заляпанные карьерной глиной.

— Трёх лет у меня в запасе нет. Могу дать телегу от входа до выхода. Но если их не примут к воротнику, я ждать не стану. У меня девять повозок и семнадцать договоров.

— Сколько за телегу?

— Половина серебряного. Вперёд. И никаких скандалов на моей очереди.

Тарен достал кошель. В нём оставались деньги на дрова, две мелкие монеты и плоская пуговица, которую он носил с весны, всё собираясь пришить к жилету. Он отсчитал половину серебряного.

Юст подержал монету на ладони.

— Кто эти люди?

— Бран Рут. Ты его бочки покупал. Ещё двое со вчерашнего прохода.

Купец помолчал.

— Я слышал про Брана. Говорят, на дороге прихватило.

— На дороге с него взяли больше, чем он соглашался.

Юст перевёл взгляд на ворота. Возле лестницы стоял служитель с листами. Что-то прибывал к доске объявлений.

— Ты ведь больше мерщиком не работаешь.

— Работал достаточно, чтобы прочитать жетон.

— Мастер, я не спрашиваю, умеешь ли ты читать. Я спрашиваю, кто завтра подтвердит твой расчёт.

Ответить было нечего.

Юст вернул половину монеты.

— За телегу четверть. Остальное привезёшь, если будет с чего. Мне один бондарь должен за прошлую зиму, пусть выживет и починит мне десять кадок.

Тарен взял сдачу.

— Спасибо.

— Рано. Приём до первого утреннего колокола. Опоздаешь — место отдам.

* * *

На доске объявлений лист ещё не просох. Тарен подождал, пока служитель уберёт молоток, и прочёл распоряжение.

В связи с сезонным усилением Полосы повторный проход лиц, испытавших значительное увядание, разрешался после осмотра переправным лекарем. Частные заключения рассматривались лишь как дополнительные. Людям, нуждавшимся в помощи, предлагалось бесплатное размещение в верхнем лечебном доме.

Ни фамилии Брана, ни Севы, ни Олны не было. Распоряжение касалось всех и выглядело разумным. Особенно если не знать, кто выдал первые заключения.

Рядом висела старая медная таблица двустороннего договора. Её читали редко, потому что буквы были мелкие и почернели от дождя. Тарен провёл по нижней строке пальцем. Под слоем пыли открылось имя западного города и два слова: «право наблюдения».

Восточный управляющий распоряжался воротами, рабочими и запасником. Западный смотритель проверял, соответствует ли расход условиям договора. Если два независимых следа показывали незаявленный отвод, смотритель мог остановить расчёт, опечатать кассету и до совместного разбирательства передать управление сменному мастеру. Но сначала он должен был попасть к узлу.

На прошлой неделе это была бы обычная проверка. Теперь до приезда Рен оставалось четыре дня, а свидетелей приглашали за стены лечебницы уже сегодня.

Тарен пошёл в западное представительство. Оно занимало комнату над лавкой писца. Дверь была заперта, на ней висела дощечка: «Служба перенесена к выходному столу». Выходной стол находился по другую сторону Полосы.

От ворот к выходному столу тянулся грузовой канат. Маленький служебный короб ходил по нему даже зимой, в узком защищённом желобе для писем и измерительного стекла. Челю-

век туда не поместился бы. Частную почту принимали только с разрешения управляющего; обращаться к Крессу за пересылкой жалобы на его узел Тарен не стал.

Он спустился к писцу.

— Когда перенесли?

— Вчера. Временное сокращение до весны.

— Кто объявил?

Писец оторвался от затейливой буквы, которую выводил на свадебном договоре.

— Господин Вель, вы ко мне за письмом или за политикой?

— За письмом.

Он сел и продиктовал Рен короткое обращение. Без предположений о Крессе, без умершего лекаря. Три номера жетонов, три квитанции на год, второй отвод, снятая первичная лента. Просьба принять вещи и владельцев под наблюдение западной стороны.

— Через обоз? — спросил писец.

Тарен посмотрел на открытую дверь.

— Два экземпляра. Один через обоз. Второй оставь мне.

Когда писец сделал копию, Тарен заплатил и попросил отметить время составления. Тот не удивился. Посад кормился письмами: переход обходился дорого, а люди хотели знать, что на другом берегу их ещё помнят.

У выхода мальчик с посылной сумкой спросил, не нужно ли доставить письмо к воротам. Тарен едва не отдал. Вместо этого сам нашёл Юстова старшего возчика и передал конверт ему, назвав получательницу. Возчик спрятал письмо за нагрудную доску.

Это было всё, что пока удалось сделать без разрешения управляющего.

* * *

Мара встретила новое распоряжение громким смехом.

— Значит, если я говорю «нельзя везти», им не подходит. Если «можно», тоже. Удобная служба.

Сева сидел на краю лавки в пальто. Всё утро ждал, что вот сейчас за ним вернутся и отведут к Нае. Его башмаки были зашнурованы — Бран всё-таки справился. Олна пришла сама, с помощью прачки, неся мешочек фасоли и плоскую подушку. Из трёх пострадавших она передвигалась лучше остальных, но после дороги долго стояла у стены, не в силах разогнуться.

— Не поеду на запад, — сказала она, выслушав Тарена. — Только перебралась.

— Речь о нескольких днях.

— А если там оставят до весны? Ты мне фасоль посадишь? У меня здесь угол оплачен.

Бран тоже не хотел назад. На западе он уже продал мастерскую. Человек, который полдня назад спрашивал, что с ним будет, теперь сердился от одной мысли о возвращении.

— Я к дочери приехал. Меня отсюда опять везти?

Тарен сел за стол. Разложил три квитанции; Ива принесла свою, Сева достал из-за пазухи, Олна разгладила бумагу локтем здоровой руки.

— Если останетесь и отдадите жетоны, у нас будет только это. На бумаге вы заплатили по году. Они могут сказать, что вам стало плохо. Уже говорят. На западе есть человек, который имеет право проверить сами узлы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.